

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

ЦК КПСС
03120
--(ФЕР) 7
СНЯТ С УЧЕТА
ПОДАЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

61
Форма № 31

Сов. секретно
экз. № /

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

5 февраля 1957 г.

№ 4Н-00280/57 / 003631

Москва, ул. Воровского, д. 13

Представляю копию определения Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 31 января 1957 года по делу бывшего заместителя Наркома Обороны СССР Маршала Советского Союза ТУХАЧЕВСКОГО Михаила Николаевича, бывшего начальника Академии им. М.В. Фрунзе, командарма II ранга КОРКА Августа Ивановича и других.

Приложение: копия определения на II листах, м/б 2728.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

А. Чешцов
/А. ЧЕШЦОВ/

К. Киселов 7/II 57 г.
А. Чешцов

И. С. Сидоров
В. М. Мамонтов
А. Канашкин

М. Буренин
В. Верещагин
В. Александров

Александров
Трушкин
М. Сидоров
Борисов
Иванов
Иванов

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-0280/57

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе: Председательствующего-генерал-лейтенанта юстиции ЧЕЩОВА А.А. и

членов: полковника юстиции БОРИСОГЛЕБСКОГО В.В. и полковника юстиции ЛИХАЧЕВА Ц.А.,

рассмотрела в заседании от 31 января 1957 года -

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

на приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11-го июня 1937 года, которым -

осуждены по ст.ст. 58-1"б", 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания - расстрелу, с конфискацией имущества и лишением присвоенных им воинских званий -

- 1. ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич, 1893 года рождения, бывший Зам.Наркома Оборонны СССР, Маршал Советского Союза;
- 2. КОРК Август Иванович, 1888 года рождения, бывший начальник Академии им.Фрунзе, командарм II ранга;
- 3. ЯКИР Иона Эммануилович, 1896 года рождения, бывший командующий войсками Киевского военного округа, командарм I ранга;
- 4. УБОРЕВИЧ Иероним Петрович, 1896 года рождения, бывший командующий войсками Белорусского военного округа, командарм I ранга;
- 5. ПУТНА Витовт Казимирович, 1893 года рождения, бывший военный атташе СССР в Великобритании, комкор;
- 6. ЭЙДЕМАН Роберт Петрович, 1895 года рождения, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР, комкор;

7. ПРИМАКОВ Виталий Маркович, 1897 года рождения, бывший Заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор;
8. ФЕЛЬДМАН Борис Миронович, 1890 года рождения, бывший начальник Управления по начсоставу РККА, комкор.

Заслушав доклад тов. ЛИХАЧЕВА и заключение Зам. Главного Военного Прокурора - полковника юстиции ТЕРЕХОВА Д.П. - об отмене приговора и прекращении дела, -

У С Т А Н О В И Л А:

ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ, КОРК, ПУТНА, ЭЙДЕМАН, ПРИМАКОВ и ФЕЛЬДМАН судом были признаны виновными в том, что они, являясь руководителями "военно-фашистского заговора" в Красной Армии и, будучи организационно связанными с антисоветским правотроцкистским центром, готовили свержение Советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отторжения от СССР части территории в пользу Германии и Японии. В этих целях они систематически передавали германскому генеральному штабу совершенно секретные сведения, проводили вредительскую работу в области боевой подготовки и оснащения Красной Армии и в оборонной промышленности, а также создали террористические группы для подготовки террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

В своем заключении Генеральный Прокурор СССР просит приговор в отношении всех осужденных отменить и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что показания осужденных, зафиксированные в так называемых "собственноручных" показаниях и "обобщенных" протоколах допросов, не внушают доверия, так как они крайне неконкретны, голословны и содержат в себе много существенных противоречий и явных вымыслов.

Так, на допросах ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ и другие осужденные по данному делу дали вынужденно ложные показания о принадлежности к "военно-фашистскому заговору" многих руководящих и заслуженных военных работников, как-то: ГАМАРНИКА Я.Б., ЕГОРОВА А.И., БЛЮХЕРА В.К., ДЫБЕНКО П.Е., КУЙБЫШЕВА Н.В. и многих других, ныне полностью реабилитированных.

В ходе следствия от осужденных также были получены явно провокационные показания в отношении крупных военных работников, которые вовсе не привлекались к ответственности.

ТУХАЧЕВСКИЙ показывал, что руководителями заговора были он, ТУХАЧЕВСКИЙ, и ФЕЛЬДМАН, которого он якобы завербовал в 1932 году вместе со СМОЛИНЫМ и АЛАФУЗО.

Однако, АЛАФУЗО по делу о "военно-фашистском заговоре" не привлекался к ответственности, а СМОЛИН в данное время реабилитирован.

Далее ТУХАЧЕВСКИЙ показал, что в 1933 году им были вовлечены в заговор ЕФИМОВ, ПУТНА, ЭЙДЕМАН и ВАКУЛИЧ, а в 1934 году - ПРИМАКОВ, ГОРБАЧЕВ, ВАСИЛЕНКО и другие.

ФЕЛЬДМАН же первоначально показывал, что в заговор он был вовлечен ПРИМАКОВЫМ, а на последующих допросах показал, что завербован ТУХАЧЕВСКИМ, который еще в 1932 году якобы сообщил ему об участии в заговоре ПУТНА, ПРИМАКОВА, ЕФИМОВА, ВАСИЛЕНКО, ГАРЬКАВОВОГО, ТУРОВСКОГО и других.

КОРК в заявлении в адрес НКВД утверждал, что в заговор он был вовлечен ЕНУКИДЗЕ, а в "штаб переворота" входили ТУХАЧЕВСКИЙ, ПУТНА и он, КОРК. Причем преступную связь с ТУХАЧЕВСКИМ он установил в 1931 году. Затем КОРК изменил показания и заявил, что в руководящий центр заговора входили ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ, ЭЙДЕМАН и он, КОРК.

УБОРЕВИЧ первоначально виновным себя не признал, а в дальнейшем от него были получены показания о том, что заговор возник в 1934 году и тогда же его вовлек в заговор ТУХАЧЕВСКИЙ.

ЯКИР, как и УБОРЕВИЧ, вначале отрицал свое участие в заговоре, а после очной ставки с КОРКОМ он написал заявление ЕЖОВУ, в котором признал себя участником заговора и что в заговор его вовлек ТУХАЧЕВСКИЙ в 1933 году.

Подобные противоречия имеются в показаниях других осужденных по данному делу.

Анализ указанных показаний осужденных дает основание сделать вывод о том, что эти показания о руководящем центре "заговора", о составе участников заговора и времени его возникновения являются вымышленными и не отвечающими действительности.

Также неконкретны и противоречивы показания осужденных о вредительстве, о подготовке террористических актов против руководителей Партии и Правительства и о шпионских связях с иностранными разведками. Все эти показания представляют собою голословные утверждения в общей форме, без подкрепления их фактами и какими-либо объективными данными.

Все усилия следствия, как это видно из материалов дела, были направлены лишь к одной цели — добиться от арестованных признания ими своей вины.

В результате этих усилий от обвиняемых были получены показания о том, что они поддерживали связь с германским военным атташе в Москве КЕСТРИНГОМ, которому передавали шпионские сведения, используя для этих целей встречи во время официальных дипломатических приемов.

Однако, арестованный в 1947 году бывший генерал-майор германской армии ШПАЛЬКЕ К.А. на допросах в МГБ показал, что с 1925 года по 1937 год он служил в разведывательных органах и специально занимался разведкой по Советскому Союзу, являясь руководителем отдела, ведающего разведкой против Красной Армии;

что в тот период времени от КЕСТРИНГА никаких агентурных материалов не поступало и вся его, КЕСТРИНГА, информация основывалась на официальных данных и сообщениях немецких офице-

ров, приезжавших в СССР для участия в военных маневрах Красной Армии.

Показания ТУХАЧЕВСКОГО о том, что он еще в 1925 году передал польскому шпиону ДОМБАЛЮ данные о состоянии частей РККА и что в 1931 году он установил шпионскую связь с начальником германского генерального штаба генералом АДАМС и офицером этого штаба НИДЕРМАЙЕР опровергаются материалами дополнительной проверки, которой установлено, что ДОМБАЛЬ являлся одним из лидеров Компартии Польши, был осужден необоснованно и в данное время реабилитирован, а НИДЕРМАЙЕР О.Ф. в указанный ТУХАЧЕВСКИМ период времени являлся официальным представителем рейсхвера в СССР и в силу имевшихся тогда соглашений контактировал с рейсхвером не только с представителями командования РККА, но и с органами НКВД.

При рассмотрении дела в суде ТУХАЧЕВСКИЙ изменил свои показания, заявив, что он знал ДОМБАЛЯ не как шпиона, а как члена ЦК Компартии Польши.

Как видно из протокола судебного заседания, несмотря на резкие противоречия в показаниях подсудимых о "фактах" их антисоветской деятельности, судебное следствие по делу проводилось поверхностно и также необъективно.

Так, на вопрос, в чем выразилась подготовка поражения авиации РККА в будущей войне, ЯКИР ответил общими туманными рассуждениями, заявив при этом:

"Я вам толком не сумею сказать ничего кроме того, что написал следователю".

На вопрос, в чем выражалось вредительство в боевой подготовке, ЯКИР ответил:

"Я вам сказал, и не хочу разворачивать этот вопрос, я его разверну в особом письме".

Однако, никакого письма к делу не приобщено.

Далее, ТУХАЧЕВСКИЙ и УБОРЕВИЧ, считавшие себя руководителями заговора, обнаружили в суде полное незнание подроб-

ностей намечавшегося ими "дворцового переворота".

Противоречивость и неконкретность показаний осужденных и их странное поведение в суде, как установлено теперь проверкой, явились результатом того, что материалы следствия по делу фальсифицировались в Особом Отделе НКВД СССР по указанию и при непосредственном участии ЕЖОВА, ФРИНОВСКОГО и ЛЕПЛЕВСКОГО /все осуждены к ВМН/, а поведение обвиняемых в суде им было навязано следователями по указанию тех же лиц.

Как установлено проверкой, произведенной Прокуратурой СССР, начало фальсификации дела о "военно-фашистском заговоре" было положено в мае 1937 года в УНКВД по Московской области.

По этому поводу бывший начальник УНКВД по Московской области РАДЗИВИЛОВСКИЙ А.П. еще в 1939 году показал:

"...поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедленно приступить к допросу арестованного Медведева, бывшего начальника ПВО РККА, и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе.

Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большее количество руководящих военных работников, а чем их удастся больше записать, тем ближе будет к осуществлению та задача, о которой со мной уже ранее говорил Фриновский.

Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырех лет до ареста, как уволен из РККА и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей не поддерживал. Когда я доложил о показаниях Медведева Ежову и Фриновскому, они предложили "выжать" от него его "заговорщицкие" связи и снова повторили о том, чтобы с ним не стесняться.

Для меня было очевидно, что Медведев человек давно оторванный от военной среды и правдивость его зая-

влений не вызывает сомнений. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, в особенности после избития его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников.

По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышленны и он все время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это Ежов этот протокол доложил в ЦК.

...Медведев был арестован по распоряжению Ежова без каких-либо компрометирующих материалов, с расчетом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА".

На основании указанных выше ложных показаний МЕДВЕДЕВА, ныне реабилитированного, а также на основании показаний ПУТНА и ПРИМАКОВА, полученных от них спустя 9 месяцев после их ареста, в конце мая 1937 года были арестованы ТУХАЧЕВСКИЙ, ФЕЛЬДМАН, КОРК, ЭЙДЕМАН, ЯКИР и УБОРЕВИЧ.

Из материалов дела видно, что все эти лица на первых допросах категорически отрицали проведение какой-либо преступной деятельности. Лишь впоследствии от них были получены показания о принадлежности их к контрреволюционному военному заговору.

Однако, эти показания, как установлено проверкой, являются ложными. Они были получены от арестованных путем применения к ним незаконных методов следствия: обмана, шантажа и мер физического воздействия.

Об этом показали бывшие работники НКВД СССР.

Так, бывший начальник отделения НКВД СССР, ныне генерал-лейтенант в запасе АВСЕЕВИЧ А.А. на допросе в прокуратуре 5 июля 1956 года показал:

"...примерно в марте 1937 года я вызвал на допрос Примакова и увидел, что Примаков изнурен, истощен, оборван. У него был болезненный вид...

Примаков и Путьна на первых допросах категорически отказывались признать свое участие в контрреволюцион-

ной троцкистской организации. Я вызывал их по 10-20 раз. Они при этих вызовах сообщили мне, что помимо вызовов на допросы ко мне, Примаков и Путьна неоднократно вызывались на допросы к Ежову и Фриновскому.

На одном из допросов Примаков заявил, что накануне он вызывался к Ежову и там был серьезно предупрежден о последствиях в случае, если он будет заператься. Он, Примаков, обещал Ежову подумать и сейчас он будет давать показания о своей контрреволюционной деятельности.

Путьна также вызывался к Ежову и Леплевскому, но долго не признавал себя виновным...

Мне известно, что в мае 1937 года на одном из совещаний пом.начальника отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу методы физического воздействия.

Применялись ли физические методы воздействия к другим арестованным по данному делу, я точно сказать не могу, но исходя из обстановки того времени считаю, что к ним применялись физические методы воздействия".

Бывший работник НКВД БУДАРЕВ В.И. на допросе в прокуратуре 3 июня 1955 года показал:

"Дело Примакова я лично не расследовал, но в процессе следствия мне поручалось часами сидеть с ним, пока он писал сам свои показания. Зам.начальника отделения Карелин и начальник отделения Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации... Таким образом его не оставляли одного. В период расследования дел Примакова и Путьна было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избития их в Лефортовской тюрьме. Эти дела характерны тем, что в связи с ними начались аресты среди основной части руководящего состава РККА. В это время начались аресты таких лиц, как Тухачевский, Уборевич и др."

Бывший зам.начальника отделения НКВД СССР, ныне адвокат юридической консультации Сталинского района гор.Москвы КАРПЕЙСКИЙ Я.Л. на допросе 4 июля 1956 года показал:

"...Из группы военных, осужденных вместе с Тухачевским, я принимал участие только по делу Эйдемана.

Примерно 20 мая 1937 года я был вызван к Леплевскому, который сказал мне, что Эйдеман изобличается Тухачевским, как участник военного заговора... Никаких документов или материалов, уличающих Эйдемана, Леплевский мне не дал. Я привел Эйдемана к себе в кабинет и, пригласив пом. начальника отделения Дергачева, приступил к допросу. Допрос велся без предъявления Эйдеману конкретных материалов, но ему было сказано, что он уличается как участник "военного заговора" и его заpiresательство бесполезно. Однако Эйдеман не сознавался. Спустя 3-4 часа пришел зам. начальника отдела Агас и взял допрос в свои руки. С его приходом допрос принял еще более резкий характер. Так, Агас заявил Эйдеману, что "не мытьем, так катаньем" от него будут получены показания. При этом Агас заявил ему, что если он здесь не даст показаний, то с ним будут разговаривать в другом месте. Эйдеман же продолжал отрицать свое участие в заговоре. На другой день я был срочно вызван из квартиры в Лефортовскую тюрьму. Придя в следственный кабинет тюрьмы, я там застал Леплевского, Агаса и Дергачева, допрашивавших Эйдемана. Леплевский мне предложил записать показания Эйдемана. Допрос вел Леплевский, а я записывал. Необычный тон Леплевского и Агаса с Эйдеманом, а также возбужденное состояние последнего, давали мне основание полагать, что в отношении Эйдемана до моего прихода были применены угрозы или даже физические меры воздействия. Следует учесть, что во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум..."

О широком применении незаконных методов следствия к арестованным дал показания еще в 1938 году бывший пом. начальника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР Ушаков З.М., принимавший участие в допросах ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и ФЕЛЬДМАНА. Сравнивая перенесенные им методы физического воздействия с избивениями, которые он, как следователь, применял к арестованным, УШАКОВ показал:

"Мне самому приходилось в Лефортовской /и не только там/ бить врагов Партии и Советской власти, но у меня не было никогда такого представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах".

В этих же показаниях УШАКОВ описывает как он "добился" от ФЕЛЬДМАНА показаний о военном заговоре с участием ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, ЭЙДЕМАНА и других.

О применении к арестованным жестоких мер физического воздействия свидетельствует тот факт, что на протоколе допроса ТУХАЧЕВСКОГО от 1 июня 1937 года, в котором зафиксировано признание вины ТУХАЧЕВСКОГО, обнаружены пятна, которые по заключению биологической экспертизы являются каплями и мазками человеческой крови.

Как установлено проверкой дела, подтверждение обвиняемыми в суде своих вымышленных показаний, данных ими на предварительном следствии, было обусловлено тем, что они продолжали находиться под контролем следователей до конца судебного процесса.

По этому поводу, названный выше ВСЕЕВИЧ на допросе 5 июля 1956 года показал:

"После того, как следствие было закончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал в суде подтвердить свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть с ними вместе в комнате ожидания. В день суда я находился с Примаковым, согласно указанию руководства отдела.

Перед началом судебного заседания все следователи были, и как только привели арестованных я, как и другие работники, пошел в комнату, где был Примаков. Все арестованные находились в отдельных комнатах и с каждым находился следователь. Среди них я помню были Ушаков и Эстрин. Я спрашивал Примакова, как он думает вести себя в суде, последний сказал, что подтвердит свои показания. Причем по указанию руководства я еще раз напомнил Примакову, что признание его в суде смягчит его участь. Так говорить было дано указание и другим сотрудникам отдела, выделенным для сопровождения арестованных на суд... Перед самым судебным заседанием, по указанию Леплевского, я знакомил Примакова с копиями его же показаний."

Проверкой дела также установлено, что кроме ЕЖОВА, ФРИНОВСКОГО и ЛЕПЛЕВСКОГО были осуждены за незаконные аресты,

фальсификацию следственных дел и применение незаконных методов ведения следствия бывшие работники НКВД СССР УШАКОВ, АГАС, МИРОНОВ и другие, принимавшие участие в расследовании дела ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и других.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, изучив материалы дела и дополнительной проверки, считает бесспорно установленным, что уголовное дело в отношении ТУХАЧЕВСКОГО, КОРКА, ЯКИРА и других по обвинению их в антисоветской деятельности было сфальсифицировано.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 373-378 УПК РСФСР -

О П Р Е Д Е Л И Л А:

приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении ТУХАЧЕВСКОГО Михаила Николаевича, КОРКА Августа Ивановича, ЯКИРА Ионы Эммануиловича, УБОРЕВИЧА Иеронима Петровича, ПУТНА Витовта Казимировича, ЭЙДЕМАНА Роберта Петровича, ПРИМАКОВА Виталия Марковича и ФЕЛЬДМАНА Бориса Мироновича отменить и настоящее дело в силу ст.4 п.5 УПК РСФСР, т.е. за отсутствием в их действиях состава преступления, производством прекратить.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Старший офицер Военной Коллегии
майор адмслужбы

[Handwritten signature]
МАЗИН/